

УДК 327.7[(510)+(5-191-2)]
DOI: 10.31249/kgt/2024.02.07

Риски институционализации формата «Центральная Азия – Китай» для солидарности и политического доверия внутри Шанхайской организации сотрудничества

Иван Владимирович ВАХРУШИН

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН)
ул. Профсоюзная, д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: ivmarin14@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6750-4620

Николай Анатольевич НИКОЛАЕВ

младший научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН)
ул. Профсоюзная, д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: nikolaev.science1993@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8624-7829

ЦИТИРОВАНИЕ: Вахрушин И.В., Николаев Н.А. Риски институционализации
формата «Центральная Азия – Китай» для солидарности и политического
доверия внутри Шанхайской организации сотрудничества // Контуры
глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 2.
С. 135–152.
DOI: 10.31249/kgt/2024.02.07

Статья поступила в редакцию 22.11.2023.
Исправленный текст представлен 08.02.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье рассма-
триваются риски институционализа-
ции формата диалога «Центральная
Азия – Китай» («ЦА – Китай») для со-
лидарности и взаимного политиче-
ского доверия в Шанхайской органи-
зации сотрудничества (ШОС). Согласно
документам, институционализация
направлена на превращение формата
«ЦА – Китай» в полноценную между-

народную межправительственную ор-
ганизацию с функциями, которые ду-
блируют действующие, в рамках ШОС.
В официальных документах Россия де-
кларирует важность развития ШОС
и отводит ей особую роль в реализа-
ции политики «поворота на Восток»,
формировании Большого Евразийского
партнерства и развертывании про-
екта международного транспортного

коридора «Север – Юг». В связи с этим дальнейшая институционализация формата «Центральная Азия – Китай» может создать ограничения для реализации этих российских планов и даже для защиты интересов в Центральной Азии (ЦА). Это обстоятельство на фоне активных попыток Запада и Соединённых Штатов заставить ряд стран ЦА отказаться помогать России обходить санкции, по всей видимости, не найдет понимания в Москве. Это означает, что необходимо искать пути преодоления вероятных ограничений путем углубления диалога с Китаем по вопросам дальнейшего развития ШОС и повышения ее эффективности. Планы институционализации формата «ЦА – Китай» также могут стать причиной усиления противодействия со стороны других крупнейших мировых «игроков»: Соединённых Штатов, Индии, Евросоюза и Японии, – которые в последние годы активно вовлекаются в «центральноазиатские дела», в том числе развивая диалог стран ЦА в формате «1+5».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ШОС, формат «Центральная Азия – Китай», Большое Евразийское партнерство, Россия, «сообщество судьбы человечества», Индия, международный транспортный коридор «Север – Юг», инициатива «Пояс и путь».

Значение ШОС в российской внешней политике постоянно растет. Этому способствует прежде всего стремление России к формированию многополярного мирового устройства, которое закреплено в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г.¹

В частности, в Концепции утверждается, что продолжается процесс формирования более справедливо-го многополярного мира и, исходя из этого, Россия стремится к укреплению потенциала и повышению международной роли межгосударственных объединений, международных организаций и разнообразных механизмов со своим весомым участием, таких как ШОС, БРИКС, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), формат «Россия – Индия – Китай» (РИК) и др.²

Значимость ШОС для Москвы с высокой долей вероятности будет возрастать. Во-первых, в качестве частичной альтернативы существующим элементам системы глобального управления, таким как Группа семи (G7) и Группа двадцати (G20), Мировой валютный фонд, Всемирный банк и т.д. Во-вторых, в качестве механизмов реализации некоторых направлений российской политики «поворота на Восток». И, в-третьих, как неотъемлемого элемента предполагаемого формирования в далеком будущем Большого Евразийского партнерства.

Конечно, структура ШОС не лишена некоторых трудностей в своем развитии. Например, быстрое расширение ШОС за счет стран, географически не относящихся к Центральной Азии, включение в ее состав соперничающих государств, в частности Индии и Пакистана, или отсутствие неоспоримого лидера организации, вероятно, может привести к размыванию фокуса деятельности и формированию противоречий внутри самой ШОС, что в конечном итоге может привести к снижению ее эффективности.

1 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 19.10.2023).

2 Там же.

Вместе с тем представляется, что «болезнь роста» ШОС преодолима в средне- и долгосрочной перспективе за счет углубления и повышения качества политического и торгово-экономического сотрудничества внутри организации благодаря развитию новых технологий, логистики, цифровизации управленческих процессов и т. д.

Потенциал ШОС и планы институционализации формата «Китай – Центральная Азия»

В целом можно констатировать, что Шанхайская организация сотрудничества, по крайней мере на начальном этапе своего существования, продемонстрировала устойчивость и эффективность. Она заработала международный авторитет и признание, а также сохранила потенциал дальнейшего развития. Так, в сентябре 2022 г. заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам Розмари Дикарло (с 2018 г.) заявила, что ШОС – «ведущая сила региональной дипломатии в Евразии»³.

По состоянию на середину 2023 г. в состав ШОС входили восемь государств-членов, четыре государства-наблюдателя и девять государств-партнеров по диалогу. Географический охват организации заметно расширился: помимо Центральной Азии, теперь сфера ее интересов включает страны Южной, Восточной, Юго-Восточной и Юго-Западной Азии.

Общая численность населения государств – членов ШОС по состоянию на конец 2022 г. насчитывала почти 3,3 млрд человек, что составило более

40% населения Земли. Совокупный ВВП превысил 23 трлн долл. – примерно 24% мирового ВВП. Общий объем экспорта товаров – более 4,7 трлн долл., импорта – 3,8 трлн долл., это около 20 и 15% общемировых показателей соответственно⁴. Площадь «восьмерки» ШОС превышает 34 млн кв. км – более 60% совокупной площади стран мира⁵.

Вместе с тем эти, на первый взгляд, весомые показатели, а также прежние успехи ШОС не гарантируют их автоматической конвертации в дальнейшее ее усиление на мировой арене. Для этого потребуются преодолеть ряд трудностей, сформировавшихся в процессе ее расширения.

Представляется, что «шанхайский дух» и принятие каких-либо решений путем достижения консенсуса между всеми государствами – членами ШОС является одновременно и благом, и проклятием организации. Сотрудничество на основе этих принципов зарекомендовало себя достаточно хорошо на первых этапах становления «шанхайской пятерки», когда количество региональных игроков, а также круг вопросов были ограниченными и вероятность достижения компромисса была высока.

Однако после увеличения числа государств – участников организации, расширения ее географии с Центральной Азии до всей Евразии и рассмотрения всё большего круга вопросов достижение компромиссов стало практически невозможным. Эта проблема усугубляется еще и наличием в составе ШОС стран-антагонистов, в частности Индии и Пакистана, а также тем, что вновь принятые государства-члены

3 ООН – Саммиту ШОС в Самарканде: встреча проходит в критически важный момент истории // Сайт Службы новостей ООН. – 2022. – 16 сентября. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/09/1431651> (дата обращения: 20.10.2023).

4 Рассчитано по данным статистической базы данных Конференции ООН по торговле и развитию. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 19.10.2023).

5 Рассчитано по данным базы данных Мирового банка. – URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&country=AFG> (дата обращения: 19.10.2023).

ставят новые, не характерные для первоначальных целей организации вопрсы.

Для иллюстрации таких противоречий можно задаться рядом гипотетических вопросов. Например, будет ли Пакистан предоставлять какую-либо ценную военную информацию Индии и наоборот в рамках «укрепления безопасности и доверия в регионе»? Удается ли Пекину и Нью-Дели избежать вероятного противостояния в Южной Азии? Смогут ли Таджикистан, Узбекистан и Афганистан найти компромисс в вопросах совместного использования водных ресурсов реки Амударья? Способны ли афганские власти предотвратить экспорт исламского фундаментализма в страны Центральной Азии, южные регионы России или Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР? Способны ли страны ШОС убедить Тегеран ограничить поставки вооружений ХАМАС, жесткую риторику и угрозы по применению превентивных действий в отношении Израиля, что в свою очередь может привести к еще большому конфликту⁶? Однозначных ответов на эти вопросы нет.

Еще одним, уже традиционным, препятствием на пути углубления сотрудничества в ШОС является несопоставимый экономический потенциал ее членов, что не позволяет сформировать прочную экономическую основу для дальнейшего укрепления связей внутри организации.

В этом аспекте отрицательную роль также сыграли лишь отчасти обоснованные опасения России и централь-

ноазиатских государств по поводу возможной китайской экономической экспансии. В частности, по этой причине не был достигнут компромисс по вопросам создания зоны свободной торговли ШОС, Банка ШОС, Фонда ШОС и других инициатив, где доминирующее влияние Китая было бы неоспоримым (хотя и очевидно, что только Китай может выступать финансовым и инвестиционным донором для региона) [Уянаев, Кулинецов, 2023].

На этом фоне Пекин начал применять уже имеющиеся, а также вновь созданные альтернативные двусторонние торгово-экономические и инвестиционные механизмы сотрудничества со странами Центральной Азии: инициативу «Пояс и путь», Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, форум «Китай + пять центральноазиатских стран (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан)». В силу этой новой тенденции вероятность полноценного возрождения экономической повестки ШОС невелика.

На ключевом политическом треке ШОС – обеспечении стабильности и безопасности – также есть некоторые трудности. С одной стороны, регулярно проводятся совместные антитеррористические учения, работает совместный центр по обмену информацией в сфере противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму. С другой – организация практически никак себя не проявила в событиях в Андижане (Узбекистан) в 2005 г.⁷, в Оше (Киргизия) в 2010 г. или при попытке госпереворота в Казахстане в 2022 г.⁸, а также

6 Добрунов М. Иран заявил об «упреждающих действиях» против Израиля в ближайшие часы // РБК. – 2023. – 17 октября. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/10/2023/652da7b89a79473fc45392f8> (дата обращения: 19.10.2023).

7 Панкратенко И. Уроки «Андижанского расстрела» // Военное обозрение. – 2015. – 1 июня. – URL: <https://topwar.ru/75486-uroki-andizhanskogo-rasstrela.html> (дата обращения: 19.10.2023).

8 На грани, или четыре дня длиною в жизнь. Архивные кадры июньских событий // Спутник Кыргызстан. – 2016. – 10 июня. – URL: <https://ru.sputnik.kg/20160610/1026402373.html> (дата обращения: 19.10.2023); Громова В. Токаев заявил о попытке госпереворота в Казахстане // РБК. – 2022. – 10 января. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/01/2022/61dbe3519a79471ffb313ebc> (дата обращения: 19.10.2023).

при урегулировании постоянных территориальных конфликтов на киргизско-таджикской границе⁹.

Рано или поздно даст о себе знать и ядерный фактор в обеспечении безопасности в пространстве ШОС. Если в рамках организации заявляется о поддержке устойчивой реализации Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе и выполнения Резолюции 2231 Совета Безопасности ООН от 20 июля 2015 г., то сохраняется риск использования ядерных арсеналов в случае вероятной эскалации конфликта между Пакистаном и Индией.

Еще одним препятствием на пути развития ШОС является наличие в регионе объединений, форматов и организаций, которые частично дублируют ее функции в более ограниченном региональном масштабе: ЕАЭС, организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ), а также инициативы «Пояс и путь». То есть фактически происходит размывание уставных функций ШОС, их миграция в более эффективные форматы: безопасность – в ОДКБ, экономика – в ЕАЭС и инициативе «Пояс и путь».

Вместе с тем указанные выше проблемы развития совсем не означают снижение значимости ШОС или отсутствие необходимости в ее развитии. Одна из самых важных функций организации – это площадка для обсуждения актуальных проблем и проведения предварительных переговоров между сильнейшими государствами Евразии. Кроме того, ШОС предоставляет незападным странам пусть пока и менее структурированную и весомую, но всё-таки альтернативу диктату развитых стран. Присутствие альтернативы цивилизационного вы-

бора повышает шансы развивающихся стран на прорыв в социально-экономическом развитии. Не менее важно и то, что в рамках ШОС постепенно формируется взаимодействие, хотя и не без очевидных проблем, трех сильнейших евразийских держав: России, Индии и Китая.

С целью повышения эффективности ШОС и ее дальнейшего развития можно рекомендовать следующие шаги.

Во-первых, наложить на ШОС платформу ОДКБ с постепенной синхронизацией нормативных документов и границ обоих объединений. Со временем это позволило бы сформировать, например, военный антитеррористический контингент ШОС быстрого реагирования.

Во-вторых, аналогичная синхронизация могла бы осуществляться со стороны ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь», где последняя могла бы выступить потенциальным каркасом будущего экономического интеграционного формата (крупные инфраструктурные проекты), ЕАЭС – главным приводным механизмом (торговля, производство и инвестиции), а сама ШОС – общим фундаментом (нормативные документы, стандарты и т.д.).

В-третьих, для придания большей динамики развитию ШОС целесообразно интенсифицировать сотрудничество и координацию действий в рамках организации между Россией, Индией и Китаем. Эти страны по показателям совокупной комплексной мощи являются сильнейшими государствами Евразии, и объединение их потенциалов в различных областях (экономике, науке, культуре и т.д.) могло бы выступить локомотивом регионального и глобального развития.

9 Хронология конфликтов на киргизско-таджикской границе // ТАСС. – 2022. – 27 января. – URL: <https://tass.ru/info/13548077> (дата обращения: 19.10.2023).

Например, на начальном этапе возможно сформулировать трехсторонние стандарты (нормы, рекомендации) в какой-либо области, а далее подключить к ним и остальных членов ШОС.

Очевидно, что приведенные выше рекомендации являются, скорее, желаемым образом будущего: при реализации любой из них могут возникнуть, на первый взгляд, непреодолимые разногласия и противоречия, которые, однако, с течением времени можно попытаться преодолеть путем диалога.

Другим активным направлением китайской дипломатии стало укрепление и формирование новых неформальных альянсов. Китай продолжает избегать создания новых жестко формализованных структур, предполагающих обязывающий характер решений для Пекина.

Скорее всего, главным направлением здесь станет Центральная Азия вне рамок ШОС. На треке ШОС в настоящее время наблюдается некоторое снижение активности Пекина. Официально Китай продолжает выступать за развитие ШОС (о чем Си Цзиньпин вновь заявил на саммите организации в Нью-Дели в июле 2023 г.), рассматривая ШОС прежде всего в качестве проводника инициативы «Пояс и путь» и основы создания «сообщества судьбы ШОС» и др.¹⁰

Однако на экспертном уровне присутствует определенный скептицизм в отношении жизнеспособности ШОС. Некоторые китайские специалисты по Центральной Азии не видят у этой организации больших перспектив. По их логике, есть один сдерживающий фактор – это Россия, которая в насто-

ящее время сфокусирована на украинском кризисе. Другой фактор – Индия, которая, как полагают в Пекине, занимая антикитайские и проамериканские позиции, может блокировать активность Китая в ШОС, в частности в плане создания здесь зон свободной торговли¹¹. Вместе с тем многие сторонние наблюдатели отмечают важную роль ШОС для экономического укрепления Китая в ЦА [Chao, 2021; Fatima, Ahmad, 2021].

Российские интересы в ШОС

Основные интересы и цели России в ШОС закреплены в ряде уже упоминавшихся выше документов, определяющих российскую внешнюю политику. Например, в Концепции внешней политики говорится о необходимости формирования широкого интеграционного контура – Большого Евразийского партнерства – за счет объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и евразийских объединений с опорой на ЕАЭС, ШОС, китайскую инициативу «Пояс и путь», а также Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)¹².

Приверженность к этому контуру подтвердил 18 октября 2023 г. в Пекине в своей речи на открытии 3-го форума «Пояса и пути» Президент Российской Федерации В.В. Путин, дополнительно выдвинув партнерам предложения по совместному запуску и развитию международного транспортного коридора «Север – Юг», связывающего российские порты Северного морского пути с логистическими узлами на юге

10 Полный текст выступления Си Цзиньпина на 23-м заседании Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // Агентство «Синьхуа». – 2023. – 5 июля. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0705/c31521-20039593.html> (дата обращения: 19.10.2023).

11 История с саммитом ШОС продолжается, Индия снова выступила против Китая, опасения подтвердились = 上合峰会的事还没完，印度对华又出招，隐患已经浮现. 15.07.2023 // Медиа-портал «Соху». – Кит. яз. – URL: https://www.sohu.com/a/700350467_100185094 (дата обращения: 19.10.2023).

12 Концепция внешней политики Российской Федерации.

Евразии, на побережье Индийского и Тихого океанов¹³. В пункте 50 Концепции о приоритетах России в Арктике отмечается, что продолжится налаживание взаимовыгодного сотрудничества с неарктическими государствами, такими как Китай и Индия, в том числе в области инфраструктурного развития Североморпути¹⁴. Успешная реализация этих российских предложений заметно укрепит геополитические позиции России в формирующейся Большой Евразии, учитывая, как отмечают ряд российских экспертов, растущий интерес Индии и Ирана к ним [Володин, 2023, с. 25].

В другом документе – в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. – также заявлено о том, что цели российской внешней политики достигаются в том числе углублением многопрофильного сотрудничества с иностранными государствами в форматах ШОС, БРИКС, РИК (Россия, Индия, Китай) и др.¹⁵

Однако у ШОС, в отличие от БРИКС, имеется больше точек соприкосновения с ведущими евразийскими многосторонними организациями – ОДКБ и ЕАЭС. БРИКС ориентируется прежде всего на глобальный масштаб, но потенциал этого формата опирается на крупнейших мировых «игроков». Российское председательство в БРИКС становится историческим и глобальным событием 2024 г. Присоединение Египта, Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ и Эфиопии к БРИКС – очередное доказательство конкурентных преимуществ этого формата перед G7 и G20.

На основе этих документов можно свести российские цели и интересы

в ШОС к более конкретным формулировкам:

- снижение потенциала конфликтности между государствами – членами организации, например предотвращение военных конфликтов из-за территориальных или каких-либо других разногласий;
- поддержка политической стабильности внутри стран ШОС; к этому можно отнести противодействие сепаратизму или незаконному свержению власти путем «цветных революций»;
- борьба с фундаментализмом разного толка, а также с экстремизмом и терроризмом и в целом – сохранение светского характера власти в государствах – членах организации;
- поддержка развития экономик стран ШОС как основы политической, а следовательно, и стратегической стабильности в регионе.

В целом российские практические интересы в ШОС не противоречат основным уставным целям организации, а также полностью соответствуют основным направлениям китайской политики противодействия терроризму, сепаратизму, экстремизму и вмешательству третьих сил во внутренние дела, совпадают с интересами других государств-членов, наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС.

Из этого следует, что широко распространенный тезис о конкуренции России и Китая или Индии и Пакистана между собой в рамках организации верен лишь отчасти: жизненно важные интересы всех стран ШОС, как правило, совпадают.

13 Глава Российского государства выступил на церемонии открытия третьего Международного форума «Один пояс, один путь» // Сайт Президента Российской Федерации. – 2023. – 18 октября. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72528> (дата обращения: 21.10.2023).

14 Концепция внешней политики Российской Федерации.

15 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г. // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/ (дата обращения: 19.10.2023).

Конечно, конкуренция за рынки сбыта в странах Центральной Азии на уровне компаний не исключена, однако это не имеет прямого отношения к соперничеству государств [Лукин, Кашин, 2019].

Кроме того, двусторонние разногласия разрешаются в соответствии с договоренностью, которая была достигнута на начальном этапе становления организации: ШОС – это не площадка для разрешения двусторонних споров, а стороны должны руководствоваться исключительно объединяющими моментами¹⁶.

Риски возникновения противоречий по линии Россия – Китай или Индия – Китай возрастают на фоне планов всесторонней институционализации формата «Китай – ЦА» в сфере безопасности и торгово-экономического сотрудничества. Однако относительно высока вероятность возникновения противоречий по линии Китай – Индия. И напротив, у Москвы с Пекином больше шансов и возможностей найти точки соприкосновения. В то же время имеющийся у Нью-Дели и Пекина потенциал возникновения конфронтации по самому широкому кругу вопросов, начиная от торгово-экономических вопросов до спорадически возникающей напряженности в приграничье, может стать поводом для начала индийско-китайской конфронтации в Центральной Азии. Вероятное усиление конфронтационных тенденций между Индией и Китаем в Центральной Азии из-за институционализации формата «C5+1» может привести к снижению доверия остальных государств-членов к ШОС, а также к росту скептицизма по поводу ее эффективности, что не отвечает российским интересам в реги-

оне. Как отмечают российские исследователи, индийско-китайская конфронтация в Центральной Азии может представлять непосредственную угрозу азиатской стратегии России [Галищева, Решикова, 2021].

При условии разграничения возможных взаимных противоречий с Китаем Россия могла бы предпринять превентивные шаги, например, на базе трехстороннего формата РИК или ШОС для предотвращения развития индийско-китайских конфронтационных тенденций в Центральной Азии. Использование потенциала ШОС при осуществлении превентивных мер или в качестве площадки для урегулирования вопросов индийско-китайской конфронтации (в случае возникновения) в Центральной Азии укрепило бы авторитет организации в области обеспечения международной и региональной безопасности.

Распространенное мнение о том, что Россия стремится сделать из ШОС антизападную группу стран, также не совсем верно. Конечно, весьма вероятно, что российские власти приветствовали бы более выраженную антиамериканскую и антиевропейскую консолидированную позицию всех государств – участников ШОС, особенно в отношении российско-украинского кризиса. Однако Москва осознает, что в действительности это невозможно: практически у всех ведущих стран организации есть свои собственные политические и экономические интересы, а также продолжительная история взаимоотношений как с США, так и с ЕС (например, участие в глобальных организациях, большой объем инвестиционных и торгово-экономических связей и т. д.).

16 Магдалинская Ю., Авдеев В. ШОС стала жизнеспособным объединением с обширными планами и большим будущим // Российская газета. – 2022. – 23 декабря. – URL: <https://rg.ru/2022/12/23/strategicheskoe-reshenie.html> (дата обращения: 19.10.2023).

Более того, если бы Россия активно продвигала антизападную повестку в рамках ШОС, то, скорее всего, попала бы под серьезную критику со стороны партнеров, так как ее действия противоречили бы основной идеологической установке организации – принципам «шанхайского духа», в первую очередь «ненаправленности ШОС против других государств и международных организаций»¹⁷, приверженность которой ежегодно подтверждается в декларациях по итогам заседания Совещания глав государств-членов.

Вместе с тем это не исключает твердую российскую позицию, направленную против появления в Центральной Азии каких-либо западных форматов (в особенности НАТО) или размещения американских военных баз. По мнению Москвы, это может привести к серьезной дестабилизации региона, которая не выгодна ни одному из государств – участников организации. Всё это наблюдалось в 2023 г., несмотря на заявления заместителя Генсекретаря ШОС Г.С. Логвинова в сентябре 2022 г. о том, что «пространство организации надежно ограждено от негативного воздействия нынешних глобальных потрясений» и «<...> все геополитические пертурбации обойдут ШОС стороной»¹⁸.

Представляется, что ограниченно антизападный характер ШОС, хотя он нигде не декларируется, а скорее, наоборот, подчеркивается инклюзивный и открытый характер организации, обусловлен не позицией Москвы или Пекина, а политикой самих западных стран во главе с США, которая часто носит дискриминационный и агрессивный характер и способствует тому, что стра-

ны, заинтересованные в сотрудничестве с ШОС, воспринимают ее как альтернативу коллективному Западу.

Институционализация формата «Китай – Центральная Азия»: причины и особенность

На этом фоне развитие отношений в формате «Китай + 5 стран ЦА», поднятых в 2023 г. на высший «саммитовый» уровень, постепенно превращается в рабочую альтернативу ШОС. В мае 2023 г. Пекин объявил о выделении «пятерке» государств около 4 млрд долл. помощи на цели регионального развития.

Участием в этом направлении сотрудничества заинтересовались Пакистан и Афганистан. Тогда же, в мае 2023 г., Китай заявил о предоставлении 60 млрд долл. на развитие железнодорожной инфраструктуры Пакистана и Афганистана, объявляя политическими целями такой инвестиционной политики стабильность ЦА. Другая цель Пекина – добиться от Афганистана прекращения тренировок и подготовки уйгурских террористов, продолжающих базироваться в Восточном Туркестане, на территории Казахстана и Киргизии. В продолжение этого трека в начале июля 2023 г. Китай открыл транспортный коридор, проходящий через Киргизию в Афганистан.

Первый саммит в формате сотрудничества «Китай – Центральная Азия» состоялся 18–19 мая 2023 г. в г. Сиане (КНР). Периодичность проведения таких форумов на высшем уровне установлена один раз в два года. Следующая встреча должна состояться в 2025 г. в Казахстане.

17 Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Сайт Президента Российской Федерации. – 2022. – 6 июня. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 19.10.2023).

18 Выступление заместителя Генерального секретаря ШОС Г.С. Логвинова на международной конференции «Самаркандский саммит ШОС: вклад в региональную и международную безопасность и устойчивое развитие» // Сайт ШОС. – 2022. – 30 сентября. – URL: <http://rus.sectsc.org/news/20220930/914908.html> (дата обращения: 03.10.2022).

Важность мероприятия подчеркнута Генеральным секретарем ЦК КПК, председателем КНР Си Цзиньпином, который, приветствуя коллег по форуму, заявил, что благодаря новому формату сотрудничества отношения Китая и пяти государств ЦА – участников ШОС вступят в новую эпоху. Он также назвал ЦА центром Евразийского континента, добавив, что Пекин намерен совместно с ЦА построить «сообщество судьбы Центральная Азия – Китай», то есть узкого регионального формата, отдельного от вышеупомянутого «сообщества судьбы ШОС»¹⁹. Отличительной особенностью двух форматов выступает дублирование аналогичных с ШОС принципов в области политики безопасности и внешней политики.

По итогам форума была принята Сианьская декларация, в рамочных параметрах обрисовывающая задачи и цели будущего сотрудничества сторон в сфере экономики, туризма, образования, культурной и языковой политики, региональной безопасности, скоординированного реагирования на угрозы терроризма и сепаратизма. Крайне важно и актуально для лидеров пяти государств-участников, что сотрудничество в новом формате будет также направлено на поддержание стабильности политических систем и недопущение импорта «цветных революций» в государства-участники²⁰.

Вместе с тем новый формат сотрудничества, предложенный Китаем для пяти государств ЦА, не является

уникальным. Сходные форматы взаимодействия со странами ЦА уже на протяжении ряда лет практикуют США («C5+1»), ЕС, Япония («Центральная Азия + Япония»), Республика Корея («Республика Корея + Центральная Азия»), Индия, а также Турция («Организация тюркских государств»). Есть и схожий российский формат: 14 октября 2022 г. в Астане состоялся первый саммит «Россия – Центральная Азия», посвященный 30-летию установления дипломатических отношений России со странами региона.

Формальным основанием появления диалога формата «5+1» (крупнейший мировой «игрок») является политическая инициатива стран ЦА, закрепленная в подписанном в июле 2022 г. договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI в., в котором стороны договариваются координировать внешнеполитический курс в отношениях с третьими сторонами²¹. Документ является результатом диалога и показателем высокого уровня политического доверия между странами ЦА, достигнутым в рамках работ консультационных встреч глав государств Центральной Азии.

Однако отличительной особенностью формата «Центральная Азия – Китай» выступает договоренность сторон осуществлять его всестороннюю институционализацию, в первую очередь путем создания Секретариата, механизмов встреч на уровне председателей правительств, глав министерств и ве-

19 Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите «Китай – Центральная Азия» // Агентство «Синьхуа». – 2023. – 19 мая. – URL: <https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html> (дата обращения: 20.10.2023).

20 Полный текст Сианьской декларации саммита «Китай – Центральная Азия» // Жэньминь Жибао. – 2023. – 19 мая – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0519/c31521-20021203.html> (дата обращения: 19.10.2023).

21 О проекте Указа Президента Республики Казахстан «О подписании Договора между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке». Постановление Правительства Республики Казахстан от 20 июля 2022 г. № 507 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000507> (дата обращения: 19.10.2023).

домств²². Однако по итогам работы схожего формата «Россия – Центральная Азия» стороны не наметили аналогичных планов, ограничившись лишь декларированием готовности продолжать эту практику на регулярной основе²³.

Основные внешние факторы институционализации формата «Центральная Азия – Китай»

В 2022 г. государства Центральной Азии стали объектом мощного политико-информационного давления со стороны «коллективного Запада», главным образом США, для которых тесное торгово-экономическое сотрудничество стран региона с Россией влечет риски обхода антироссийских санкций.

Вашингтон неоднократно декларировал недопустимость параллельного экспорта в Россию подсанкционных товаров под угрозой вторичных санкций. С марта 2022 г. США заметно активизировали контакты с руководителями государств ЦА как в сфере экономики, так и в области военного сотрудничества. А осенью 2022 г. Вашингтон объявил о том, что начинает работу со странами региона по поиску альтернативных маршрутов поставок товаров из ЦА на внешние рынки в обход России и что главная текущая цель американской региональной политики – оторвать экономики стран региона от Москвы²⁴.

При этом отдельным национальным компаниям и предприятиям в странах

ЦА, тесно связанным со своими подсанкционными российскими контрагентами, на переходный период были выданы специальные экспортные лицензии Министерства торговли США, позволяющие не соблюдать санкционный режим в части экспорта/импорта отдельных товарных позиций.

Убедить руководство пяти центральноазиатских государств отказаться от помощи Москве в обходе антироссийских санкций фактически было главной задачей поездки госсекретаря США Энтони Блинкена в Узбекистан и Казахстан в феврале 2023 г.²⁵

На этом фоне стремление Китая придать институционализированный характер своим политико-экономическим контактам с государствами ЦА выглядит как встраивание Пекина в существующий в регионе тренд в целях недопущения вытеснения Китая из ЦА.

Более того, стремление Пекина достичь не только экономического (которое уже есть де-факто), но и политического лидерства в регионе в определенной мере является ответом на растущее проникновение в регион США и ЕС.

Еще одним фактором активизации Пекина в ЦА является его попытка обойти уже сложившиеся и вероятные будущие ограничения в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Некоторые китайские экономические инициативы пробуксовывают из-за опасения других государств – членов ШОС чрезмерного доминирования Китая, а быстрое расширение организа-

22 Полный текст Сианьской декларации...; Перечень договоренностей и инициатив в рамках формата «Китай – Центральная Азия» // Жэньминь Жибао. – 2023. – 19 мая. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0519/c31521-20021204.html> (дата обращения: 21.10.2023).

23 Совместное заявление глав государств Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан по итогам встречи Центральная Азия – Россия // Сайт Президента Российской Федерации. – 2023. – 14 октября. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5857> (дата обращения: 21.10.2023).

24 Treasury and State Department Officials Testify on Sanctions Against Russia // C-SPAN. – 2022. – September 28. – URL: <https://www.c-span.org/video/?523123-1/treasury-state-department-officials-testify-sanctions-russia> (дата обращения: 21.10.2023).

25 Secretary Antony J. Blinken at a Press Availability // Website of the U.S. Department of State. – 2023. – March 1. – URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-a-press-availability-29/> (дата обращения: 21.10.2023).

ции за счет стран, географически не относящихся к ЦА, включение в ее состав соперничающих государств, в частности Индии и Пакистана, или отсутствие неоспоримого лидера организации, вероятно, может привести к размыванию фокуса деятельности и формированию противоречий внутри самой ШОС, что в конечном итоге может привести к снижению ее эффективности.

При этом влияние фактора ШОС переплетается с другим не менее важным фактором – индийским. Связность индийского фактора с ШОС подтверждена в пункте 32 Нью-Делийской декларации по итогам первого саммита «Индия – Центральная Азия»²⁶, который прошел в январе 2022 г. по инициативе индийской стороны.

Суть влияния индийского фактора на политику Китая в Центральной Азии заключается в новой тенденции, намеченной Нью-Дели на первом саммите «Индия – Центральная Азия», на углубление сотрудничества с центральноазиатскими партнерами по широкому кругу проблем, включая взаимодействие по вопросам безопасности, а также частичной институционализации этого формата в вопросах региональной безопасности (Совместная рабочая группа по Афганистану) и торгово-экономического сотрудничества (Совместная рабочая группа по порту Чабахар)²⁷. В этой связи планы институционализации формата «Индия – Центральная Азия» стоит рассматривать как один из ключевых факторов, побудивших Китай активизировать аналогичные и одновременно опережающие шаги с прицелом на создание но-

вой региональной организации «Центральная Азия – Китай».

Например, на последнем саммите ШОС, прошедшем в видеоформате, индийский премьер-министр Нарендра Моди отказался поддержать предложения Пекина относительно инициативы «Пояс и путь», противопоставив китайскому видению ШОС как площадки сотрудничества и интеграции иное: главный акцент организации должен быть сделан на борьбе с терроризмом, в частности с террористическими угрозами из Афганистана²⁸.

Институционализация формата «Центральная Азия – Китай» как новый этап углубления экономического сотрудничества

В то же время формальным объяснением Пекина активности на данном треке выступает всего-навсего «разморозка» своей региональной политики в Центральной Азии после снятия жестких трансграничных карантинных ограничений в период пандемии COVID-19.

Что касается ожиданий государств ЦА – участников ШОС от нового формата в части продвижения собственных экономических интересов, необходимо отметить, что здесь первостепенное значение имеют перспективы наращивания из ЦА экспортных поставок сельхозпродукции, полезных ископаемых и других товаров в КНР. В частности, в 2022 г. Китай более чем на 50% увеличил импорт сельхозпродукции и полезных ископаемых из ЦА, а экс-

26 Delhi Declaration of the 1st India-Central Asia Summit. – 2022. – January 27. – URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34773/Delhi_Declaration_of_the_1st_IndiaCentral_Asia_Summit (дата обращения: 30.01.2024).

27 Ibid.

28 Нью-Делийская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // Сайт ШОС. – 2023. – 4 июля. – URL: <http://rus.sectscsco.org/political/20230704/948432/NYu-DELIYSKAYA-DEKLARATSIYA-SOVETA-GLAV-GOSUDARSTV-ChLENOV-ShANKHAYSKOY-ORGANIZATsii-SOTRUDNICHESTVA.html> (дата обращения: 21.10.2023).

порт китайской электротехнической продукции в регион вырос на 42%²⁹.

Товарооборот КНР с пятью государствами региона в 2022 г. вырос на 28 млрд долл. – до 70,2 млрд долл.³⁰ При этом потенциал его дальнейшего наращивания далеко не исчерпан, поскольку государства региона являются ключевыми участниками китайской инициативы «Пояс и путь».

Для сравнения: товарооборот ЕС с пятью странами ЦА за прошлый год увеличился с 27 млрд до 47 млрд долл. На третьем месте среди внешнеторговых партнеров ЦА – Россия: за 2022 г. ее товарооборот с государствами региона вырос на 6 млрд – до 42 млрд долл.³¹ Конечно, можно допустить, что и в первом, и во втором случаях свой вклад в это увеличение внес и фактор антироссийских санкций («перенастройка» торговли ЕС и России через третьи страны). Среди ключевых партнеров ЦА пока наименьший товарооборот с государствами региона у США – около 5 млрд долл. по итогам 2022 г.

По данным Министерства коммерции КНР, совокупный объем завершенных инвестиционных проектов Китая в пяти государствах ЦА в 2022 г. составил 63,9 млрд долл.³² Вместе с тем в январе 2023 г. Си Цзиньпин заявил, что Пекин планирует нарастить ежегодный объем инвестиций в регион до 70 млрд долл.

По оценке ЕБРР, экономика ЦА в 2023–2024 гг. продемонстрирует темпы прироста более 5% – в частности вследствие активизации переноса бизнеса из России, повышения качества корпоративного управления в крупных компаниях, наращивания экспорта товаров и оживления торгово-экономических контактов с Китаем³³.

Немаловажно также, что традиционно уважительная риторика Пекина в отношении пяти государств ЦА наиболее комплементарна для руководства этих стран в сравнении с другими сходными форматами, что, несомненно, добавляет привлекательности новому формату.

Мощной заявкой на закрепление Пекина в статусе ключевого финансового донора региона выступает анонсированная Си Цзиньпином в ходе саммита финансовая помощь в беспрецедентном объеме 3,7 млрд долл. (26 млрд юаней)³⁴. В то же время пока нет информации, по какому принципу и на какие проекты будут распределяться дотации из этого пакета помощи, а также каким образом они будут увязаны со значительной финансовой задолженностью государств региона перед Пекином.

19 мая 2023 г. в соответствии с одним из семи подписанных по итогам саммита меморандумов о взаимопонимании по сотрудничеству учрежден

29 Саммит «Центральная Азия – Китай»: Открывается новая глава отношений Китая с Центральной Азией = 中国—中亚峰会 | 专家 : 中国中亚关系将开启新篇章, 13.05.2023 // Агентство «Синьхуа». – 2023. – Кит. яз. – URL: http://www.news.cn/world/2023-05/13/c_1129611940.htm (дата обращения: 21.10.2023).

30 Постникова Е. Почему Россия уступает позиции в Центральной Азии? Китай и Евросоюз одновременно провели мероприятия со странами региона // РБК. – 2023. – 21 мая. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/05/2023/64677fc49a79472fac8cab00> (дата обращения: 21.10.2023).

31 Там же.

32 MOFCOM Regular Press Conference (May 11, 2023) // Website of Ministry of Commerce of People's Republic of China. – 2023. – May 12. – URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/202305/20230503410082.shtml> (дата обращения: 21.10.2023).

33 Usov A. EBRD forecasts strong economic performance in Central Asia // Website of European Bank for Reconstruction and Development. – 2023. – September 27. – URL: <https://www.ebrd.com/news/2023/ebrd-forecasts-strong-economic-performance-in-central-asia.html> (дата обращения: 21.10.2023).

34 Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите «Китай – Центральная Азия» // Агентство «Синьхуа». – 2023. – 19 мая. – URL: <https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html> (дата обращения: 20.10.2023).

деловой совет «Центральная Азия – Китай». По заявлениям официального Ташкента, стороны также приступят к разработке стратегии нового экономического диалога, которая предусматривает принятие адресных мер к обеспечению беспрепятственной торговли и наращиванию объемов поставок готовой продукции из пяти центральноазиатских государств в КНР, формированию общего пространства промышленной кооперации с привлечением китайских инвестиций и китайских технологий. Будут запущены различные механизмы на уровне глав министерств и различных профильных ведомств с целью регулярного согласования и координации направлений сотрудничества³⁵.

В среде западных официальных лиц и экспертного сообщества традиционно превалирует позиция о деструктивной роли Китая в регионе – его «ползучей» колонизации с превращением в сырьевой придаток под видом реализации интеграционных проектов и развития равноправного сотрудничества. В западной прессе в преддверии саммита была растиражирована установка, что новый формат сотрудничества главным образом преследует цель выдавить Россию из ЦА [Yau, 2023].

Критические оценки итогов форума в алармистских и антикитайских кругах связаны с подтверждением саммитом договоренностей о строительстве железной дороги Узбекистан – Киргизия – Китай протяженностью 454 км, что последовало за подписанием соответствующего трехстороннего Меморандума о взаимопонимании «на полях» саммита ШОС в Са-

марканде в сентябре 2022 г. Данный проект является одним из ключевых в рамках инициативы «Пояс и путь». По оценкам ряда западных экспертов, указанная транспортная артерия потенциально способна направить значительный объем товаров из Китая в ЕС в обход России³⁶.

При этом не следует однозначно воспринимать новый формат сотрудничества Китая и стран ЦА как более эффективный механизм, чем, например, ШОС. Региональные противоречия будут оказывать негативное влияние и на него. Реализация вышеуказанного проекта железной дороги уже отложена из-за противоречий финансирования: Пекин и (теоретически) Узбекистан могут оплатить постройку своей части железной дороги, а Киргизия – нет. Китай мог бы предоставить кредит под госгарантии, однако президент Киргизии запретил наращивать сумму государственного долга страны.

После введения антироссийских санкций перед экономикой России встал вопрос о минимизации ущерба за счет организации параллельного импорта. В этом направлении сложно переоценить значение для Москвы пяти государств ЦА.

Что касается отношения Москвы к активизации других крупнейших мировых «игроков» в регионе, то для России принципиально, чтобы ее партнеры в ЦА продолжали соблюдать свои обязательства в двусторонних форматах и в рамках интеграционных структур (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ).

В совместном заявлении по итогам визита председателя КНР Си Цзиньпи-

35 Tobin M. China sends a subtle message to Central Asia: Rely on us, not Russia // The Washington Post. – 2023. – May 19. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/05/19/china-central-asia-russia-summit/> (дата обращения: 21.10.2023).

36 Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Сайт Президента Российской Федерации. – 2023. – 21 марта. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920?fbclid=IwAR2IxAT7WtyA-D7VYE00PP6TrX8bUeb-Muco9QLAVWbvV4NyWCNrWuhrxADA0> (дата обращения: 21.10.2023).

на в Россию в марте 2023 г. подчеркнуто: «Стороны готовы укреплять взаимную координацию по поддержке стран Центральной Азии в обеспечении их суверенитета и национального развития, не приемлют попытки импорта «цветных революций» и внешнего вмешательства в дела региона»³⁷.

Вместе с тем, по оценкам некоторых аналитиков, в части становления нового формата наиболее чувствительными моментами для Москвы станут институционализация диалога, а также систематизация и расширение сфер сотрудничества Китая со странами ЦА. Вдобавок, как отмечают ряд экспертов, позиции России в регионе постепенно ослабевают, в частности, присутствие российского бизнеса в ЦА подвергается всё большим ограничениям вследствие нарастающего давления коллективного Запада на руководство государств региона³⁸.

Таким образом, заявленный в Сианьской декларации сценарий дальнейшего развития формата «ЦА – Китай» укладывается в логику внешнеполитического курса Си Цзиньпина, согласно которой Пекин должен усиливать китайские позиции в сопредельных с КНР странах. Последние, как подтвердил 24 октября 2023 г. глава МИД КНР Ван И, входят в «авангард мирового исторического процесса продвижения сообщества единой судьбы человечества» – поддерживают китайское видение в глобальном и региональном управлении.

В этой связи запуск процесса создания параллельного с ШОС, но во многом дублирующего его основы формата «ЦА – Китай» отвечает, скорее, нацио-

нальным интересам Пекина по закреплению китайского присутствия в ЦА и отчасти является ответом на активизирующуюся в регионе дипломатию Евросоюза и США.

Резюмируя вышеизложенное, важно отметить, что дальнейшая всесторонняя институционализация формата «ЦА – Китай» может привести:

- к усилению имеющихся и возникновению новых противоречий внутри ШОС, что, в свою очередь, может послужить причиной возникновения кризиса взаимопонимания между государствами – членами организации; «симптомы» этого кризиса уже наблюдаются сейчас, когда Индия на площадке ШОС открыто бойкотирует китайскую инициативу «Пояс и путь»;

- росту противоречий с крупнейшими мировыми «игроками», активно вовлекающимися в «центральноазиатские дела»: с Соединёнными Штатами, Евросоюзом, Индией и Японией; в связи с этим вполне вероятно расширение американо-китайского противостояния на ЦА;

- возникновению вызова, способного осложнить будущее российско-китайское партнерство; российские позиции в ЦА остаются более крепкими и устойчивыми, чем у Китая, но, согласно официальным документам, Россия придает большое значение дальнейшему развитию ШОС и его роли в формировании Большого Евразийского партнерства, а возникновение дублирующих многосторонних форматов, таких как «ЦА – Китай», может в этом смысле не найти понимания у Москвы.

37 Саммит «Китай – Центральная Азия» стал исключительно важным для России // Военное обозрение. – 2023. – 23 мая. – URL: <https://topwar.ru/217495-sammit-kitaj-centralnaja-azija-stal-iskljuchitelno-vazhnym-dlja-rossii.html> (дата обращения: 21.10.2023).

38 Постникова Е. Евросоюз пообещал не вводить санкции против Центральной Азии. Какие еще обещания звучали на втором саммите пятёрки стран региона и Евросоюза // РБК. – 2023. – 2 июня. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2023/6479ef339a7947fe85d2248b> (дата обращения: 21.10.2023).

Список литературы

Володин А.Г. «Треугольник» Москва – Дели – Пекин в системе внешней политики Индии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. – Т. 15, № 6. – С. 6–27. – DOI: 10.31249/kgt/2022.06.01.

Галищева Н., Решикова М. Индийско-китайские отношения. Борьба «Тигра» и «Дракона» за место под солнцем // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 104–122. – DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.5.

Лукин А.В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // Сравнительная политика. 2019. – Т. 10, № 2. – С. 135–151. – DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021.

Уянаев С.В., Кулинцев Ю.В. ШОС: Проблемы и возможные пути их реше-

ния // Аналитические записки ИККА РАН. – 2023. – Вып. 3. – С. 25–31. – DOI: 10.48647/ICCA.2023.61.66.026.

Chao W.-Ch. The Political Economy of China's Rising Role in the Shanghai Cooperation Organization (SCO): Leading with Balance // The Chinese Economy. – 2021. – Vol. 55, N 4. – P. 293–302. – DOI: 10.1080/10971475.2021.1972548.

Fatima B., Ahmad R.E. China's New Great Game in Central Asia: Its Interest and Development // Journal of Development and Social Sciences. – 2021. – Vol. 2, N. 4. – P. 498–509.

Yau N. China Is Finally Making Progress on the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway. – The Foreign Policy Research Institute, 2023. – URL: <https://www.fpri.org/article/2023/03/china-is-finally-making-progress-on-the-china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway/> (дата обращения: 21.10.2023).

DOI: 10.31249/kg/2024.02.07

Risks of Institutionalization of the Central Asia-China Format for Solidarity and Political Trust in the Shanghai Cooperation Organization

Ivan V. VAKHRUSHIN

PhD (Econ.), Senior Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences

Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: ivmarin14@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6750-4620

Nikolai A. NIKOLAEV

Junior Research Fellow

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences

Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: nikolaev.science1993@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8624-7829

CITATION: Vakhrushin I.V., Nikolaev N.A. (2024). Risks of Institutionalization of the Central Asia-China Format for Solidarity and Political Trust in the Shanghai Cooperation Organization. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 2, pp. 135–152 (in Russian).
DOI: 10.31249/kg/2024.02.07

Received: 22.11.2023.

Revised: 08.02.2024.

ABSTRACT. *The article considers the risks of institutionalizing the format of the Central Asia-China dialogue («C+C5») for solidarity and mutual political trust within the Shanghai Cooperation Organization (SCO). According to the documents, institutionalization is aimed at transforming the «C+C5» format into a full-fledged international intergovernmental organization with functions that duplicate the existing ones within the SCO. In the current official documents, Russia declares the importance of SCO development and assigns it a special role in the implementation of*

the «Turn to the East» Policy, the development of the «Greater Eurasian Partnership», and the deployment of the project of «the North-South International Transport Corridor». In this regard, further institutionalization of the «C+C5» format may create restrictions for the realization of these Russian plans and even for the protection of interests in the Central Asian region (CAR). This circumstance, coupled with the active attempts of the West and the United States to force a number of CAR countries to refuse Russia's assistance in circumventing the sanctions regime is unlikely to be

understood in Moscow. This means that it is necessary to think about the ways to overcome the likely limitations by deepening the dialogue with China on the issues of further development of the SCO and increasing its effectiveness. The plans to institutionalize the «C+C5» format may also cause increased opposition from other major global «players» such as the United States, India, the EU and Japan, which have been actively involved in Central Asian Affairs in recent years, developing formats for dialogue between «1 + C5» (CAR countries).

KEYWORDS: the Shanghai Cooperation Organization (the SCO), the format of Central Asia-China, the Greater Eurasian Partnership, Russia, Community of Common Destiny, India, the North-South International Transport Corridor, the Belt and Road Initiative.

References

- Chao W.-Ch. (2021). The Political Economy of China's Rising Role in the Shanghai Cooperation Organization (SCO): Leading with Balance. *The Chinese Economy*. Vol. 55, no. 4, pp. 293–302. DOI: 10.1080/10971475.2021.1972548.
- Fatima B., Ahmad R.E. (2021). China's New Great Game in Central Asia: Its Interest and Development. *Journal of Development and Social Sciences*. Vol. 2, no. 4, pp. 498–509.
- Galistcheva N., Reshchikova M. (2021). India-China Relations. Struggle between the Tiger and the Dragon for a place in the Sun. *International Trends*. Vol. 19, no. 4, pp. 104–122 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.5.
- Lukin A.V., Kashin V.B. (2019). Russian-Chinese Cooperation and Security in Asia Pacific Region. *Comparative Politics Russia*. Vol. 10, no. 2, pp. 135–151 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10021.
- Uyanaev S.V., Kulintsev Yu.V. (2023). SCO: Problems and Possible Solutions. *Analytical Notes of Institute of China and Modern Asia RAS*. Issue 3, pp. 25–31 (in Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.61.66.026.
- Volodin A.G. (2022). Moscow – Delhi – Beijing Triangle in the System of India's Foreign Policy. *Outlines Of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 15, no. 6, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.06.01.
- Yau N. (2023). *China Is Finally Making Progress on the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway*. The Foreign Policy Research Institute. Available at: <https://www.fpri.org/article/2023/03/china-is-finally-making-progress-on-the-china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway/>, accessed 21.10.2023.